

Перед первой премьерой

ПУТИ И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НОВОГО ТЕАТРА

группами и паями самими. Нет, нам кажется, что на пути театральной условности, той большой театральной правды, которая значительно и вернее житейского «правдоподобия», есть много еще непохожих дорог, есть много неугаданного, и мы с радостью причисляем себя к тем (правда, нечастым сейчас) творческим организмам, которые не носят с собой готовой истины о сущности актера и театра, но ищут эту истину в своих удачах и ошибках.

Для этого у нас сейчас большие возможности.

Первая постановка Нового театра пьесы М. Д. РОММ «Чемпион мира». Она затрагивает вопросы, мимо которых театр проходить, не затрагивая их. Между тем, спортивная тематика, как ощущаем ее мы сейчас, чрезвычайно близка к искусству, и не всегда можно отделить мастерство спортсмена от мастерства актера. Мы рады сейчас, выплывающе и подробно ознакомившись с мировой историей спорта, с уставами и практикой буржуазных спортивных объединений, с героической работой Спортсмен и его отрядов и капиталистических стран, отдать этой теме свою первую работу. Буржуазный и пролетарский спорт в Америке, кризис и обострение классовых борьбы, спекуляция на расовом антагонизме — все это подано автором в семи небольших картинах очень динамичных, частью в форме комедии, частью — мелодрамы. Это история шкетера Боба Синга (арт. САВЕЛЬЕВ), который, прозавя себя талантливым боксером, решил оскандалить деривство мира у чемпиона негра Крайфорда (арт. КОРОЛЕВ) и едва не оказался измученным и предаваемым своими товарищами, играя на руку своему хозяину (штатовладелец Ферриссон — СВОБОДИН). Мы знаем, что в зрительном зале будет очень много товарищей, недостаточно описывающих политическое и культурное значение спорта; но мы считаем

будущий спектакль пужным, и нас поддерживают в этом начинании спортивные организации Советского союза. С формальной стороны — полая тема вызывает новые возможности. В часы между репетицией и спектаклем театр превращается в тренировочный лагерь, так же как и начало спектакля не наша трудница превращается в советский спортивный отряд, чтобы разыграть перед зрителем роммовский текст вместе с художником Е. М. МАЙДЕЛЬБЕРГОМ, композитором С. Л. ГЕРМАНОВЫМ и отдельными советскими спортсменами.

«Венецианский купец» Шекспира — вторая постановка года. Художник Б. ЭРДМАН, композитор Л. ПУЗЬВЕР, режиссер Ф. КАВЕРНИН. Здесь мы занимаем тем, чтобы в новых масштабах и с большой глубиной (не отказываясь от извечной трактовки отдельных деталей) продолжить свои опыты над классикой. Основательное знакомство с эпохой Возрождения неизбежно изжило при первой шекспировской постановке («Копенгаген»), подкрепляет теперь рядом вновь опубликованных материалов о Шекспире и его времени.

Венеция как центр мировой торговли, знаменитая биржа Риальто, контроль нотариусов, лавка купцов и менял, пристани, отравляющие товар по все концы света, тянут в себе, по-нашему, великую шекспировскую триедино несправедливость. Одно за другим сплетаются звенья этой цепи: Антонио несправедлив Шейлоку, артистически рыска несправедливо подлинного голубу розовых щек, герцога и денди, Запад и Восток, Риальто и Жюльетка (еврейский квартал в Венеции), свингерле и великий завет — все сплетается в азартной, всепоглощающей борьбе за наживу, в кровавой по-настоящему схватке. На этой волне сильно разрастается и та расовая несправедливость, которой Шекспир отдал большую часть своей пьесы. П. Антонио со своими присерженцами пукнет в ход старую легенду

о хрестопродвцах, и Шейлок, полюбивший хозяина и десот бедности еврейского квартала, становится поводом и борей за унизительную пародность и под видом петуховатного переспонсачника стрелится свалить самого солидного конкурента.

Это — основа спектакля, его венецианские сцены. А на поверхности этой трагедии идет блестящая жизнеальность, полнокровными красками Возрождения прекрасная поэма о Порции и ее женихах, поет музыка величайших любовных дуэтов (Порция — Бассанио, Лоренцо — Дездемона), энциклопедиями и бубенцами карнавал на мостах и гондолах. Люди неспешат, испанцы — ахают, отомстив — торжествуют.

В то время как одна половина зрителя будет работать со мной над этим увлекательным текстом, другая часть его во главе с режиссером А. И. КИЧЕНКО ищет готовый пьесу ФУРМАНСКОГО «Маньчжурия Рига». Павел Фурманский — молодой драматург, связанный с нами до сих пор работой в наших британских вытуплениях, один из авторов хорошо пронесенной по Советскому союзу пьесы «Дан-Хо-дун и Ваня Нибина», привлекая нас способностью находить для актера внутренние опорные точки и срезальнее разрезать трудные задачи. В новой пьесе он расширяет стены вагонов экспресса и показывает, какая бузина жизнь, какие сложные процессы совершаются в сознании и даже мировоззрении людей за короткий перелет от границы в границе нашего Союза. Партийный золотокатель и строитель торговли в Токио, комсомолец, едущий в Москву учиться, и фабричный, совершающий свадебное путешествие, женщина-инженер, едущая на Дне прострой, и содержательница парижского ателье — все горничная и потраченный красочностью, направленный в отъезд. А в окнах — Кузнецкской и тайга, обработанные колхозниками поля

и простора Байкальского озера. Все это дает спектаклю большой горизонт, а стены вагона, вбирая в себя людей, естественно и просто концентрируют на них внимание постановщика, художника и зрителя.

Эти три пьесы пройдут до летнего перерыва. До него же начнется работа над пьесой ЮРИЯ СМОЛИЧА «По ту сторону сердца». В основу пьесы кладется его роман, который пополнил в русском переводе П. Б. ЗЕЙКВИЧА в ГИХЛ.

Словно по контрасту с предыдущей пьесой действие этой пьесы развивается на протяжении ряда лет — с 1914 г. до наших дней. Автор сталкивает небольшую группу лиц в разные периоды жизни нашей страны. Двое из этих лиц — служивый дворянин — дна Клыма Шестивых; один — по видимости положительный, интуитивный и идеалист, возмужавший до отчаяния сварубок с лучистыми очками, другой — его избранник — огромный заросший на лбу — открытый и циничный интурист. Автор провалил их через империалистическую войну, революцию, петловорону, махновщину, эмиграцию и реконструктивный период советского строительства для того, чтобы в финале спектакля признать обоих врагами и поставить между ними знак равенства.

Кроме разоблачения банкротства в современности и ряда ярко выделенных, характерных для каждого периода образов, работа возмужает возможностью разрешения ряда формальных задач. Время и пространство потребуют особого разрешения, опыта в этом направлении достать мной и Б. Эрдманом уже в «Венецианском купце», и сейчас автор чувствует реакцию пьесы применительно к открывающимся возможностям.

Это — план 1933 г. Несмотря на его сложность и насыщенность, в театре ведутся и сверхплановые работы.

Молодики театра усиленно репетируют колхозную комедию ЧУРКИНА «Провыл

в любви», главным достоинством которой кроме ее молодой и задорной бодрости является то, что она широким образом не напоминает установленного стандарта колхозных пьес. Этот спектакль ставит артист П. ОЛЕНЧЕНКО. Таким образом мы вырабатываем для себя вместе с новыми интересными кадрами и режиссуре Архип СВОБОДИН и ШАТОВ с этого года состоят официальными режиссерами театра.

Заглядывая в 1934 год, мы мечтаем о спектакле русской классики. Нам скучно. — и кажется, так и будет. — К Турецкому Вернее всего это будет «Мещанин в деревне». Тогда мы исполняем несколько сокращенный текст комедии для показа кружкового / тургеневского дворнического грезда, а деревню построим на материале «Занесок охотника» и «Стихотворений в прозе».

Самым существенным и верным в нашем плане на год мы считаем не то, что в сравнительно короткий срок нам удалось обеспечить театр репертуаром и если можно так выразиться «споспешить» для будущего еще ряд тем, связанных с авторами. Для нас всего дороже, что этот репертуарный план явился случайностью, что задачи, поставленные перед новой работой, органически вытекают из нашего прошлого и что каждый подготавливаемый нами в этом году спектакль несет в себе мысль следующей работы. Только так можно серьезно ставить вопрос о формировании своего стиля. Нельзя сейчас определять этот стиль никакими специальными формулировками, но плана его основной линия. Это — стиль театрально-застереженного, несколько преувеличенного почерка, театр аркой работы музыки и сценичного движения, но без сценической театральности. Это — стиль большой внутренней искренности и убежденности, стиль здоровой нехолодности, но без психологизма и серости, почему-то часто связывавшихся с темой о живом человеке.

Работа кипит, но оборудование сцены еще не закончено и задерживает выпуск «Чемпиона мира». Репетируем под стук молотков и лязг пил, переделываем сцену, чтобы дать возможность протянуть трос или провести балку, и только в феврале мы выйдем в работу артилы, переделываем нас в новые условия работы в жизни, — на первую премьеру, на медный экзамен.

М. Советское искусство. 1933

ВРВЫЙ год второй пятилетки будет для Нового театра годом чрезвычайно напряженной и ответственной работы. Пролетарская общность, окружившая нас большим теплом в первые дни открытия, отнесется к этой работе, как к отчету о том, что мы хотим стать и чем стать можем. Основные задачи первого года заключаются в том, чтобы создать спектакли, значительные по своей тематике, нужные установившимся стандартам, на основе хорошего литературного материала. Мы рассчитываем в ближайшее же время возместить творческую коллективу театра за поневоле ущербленные планы прошлых лет и нестрепно возую работу так, чтобы каждый участник имел все время материал для применения своих сил и для новых исканий (ставя на первый план проблему человека и его психологию, мы не хотим ограничиться ни в игре, ни в общей подаче спектакля только с добрым и позитивным культурным наследием прошлого или тем, что выделено близкими в нам творческими